

Полилог/Polylogos. 2013-2024

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

Все права защищены

№ 2 Том 6. 2022

Соотношение феноменологии и психологии: к постановке проблемы

Бердаус Светлана Владимировна

Институт философии и права СО РАН

Российская Федерация, Новосибирск 630090, ул. Николаева, 8

Аннотация

В статье поднимается вопрос об актуальном состоянии психологии как науки. Высказывается предположение о том, что гетерогенность предмета и метода психологии послужили причиной ее неорганического устройства, что в свою очередь создало почву для перманентного кризисного состояния этой науки, как в теоретическом, так и в практико-ориентированном отношении. В качестве альтернативной координаты в реформировании этой науки рассматривается парадигма феноменологической философии. Объясняется, почему феноменологический подход, реализованный в экзистенциальной и гуманистической психологии, не может квалифицироваться как адекватный идеям Э. Гуссерля. Формулируются основные обструктивные факторы, вызывающие наибольшее сопротивление полноценной рецепции психологией феноменологических оснований для своего становления.

Ключевые слова: психология, наука, феноменология, экзистенциальный, гуманистический, рецепция

Дата публикации: 30.06.2022

Источник финансирования:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00911.

Ссылка для цитирования:

¹ **Контекстуальная тематизация проблемы**

² Психологию в том виде, в котором она представлена на сегодняшний день, небезосновательно можно охарактеризовать как удивительный культурный феномен. В этой феноменальной характеристике разворачивается весь спектр ее предметно-методологического «оснащения», а также все разнообразие междисциплинарных подходов к исследованию тех или иных вопросов. Другими словами, мы видим ряд областей, которые психология полагает своим предметом: во-первых, это все аспекты человеческой рациональности и иррациональности, выражаемые в таких понятиях, как сознание и бессознательное, мышление, душа, разум, эмоции, инстинкты и т.д.; во-вторых, поведение человека; в-третьих, социальные связи, культурные архетипы и нормы и т.п. Далее, мы видим ряд практикуемых ею методов и техник, удельный вес которых равномерно распределен между естественнонаучными и гуманитарными. Также обращают на себя внимание широкие междисциплинарные компетенции психологии: она сотрудничает с медициной, политикой, философией, экономикой и многими другими областями. Однако при столь глубокой вовлеченности и значимости для научной и социально-культурной жизни этой области знания мы до сих пор не можем с уверенностью сказать, чем – уже не на феноменальном, а на сущностном уровне – является психология. С тем, чтобы в первом приближении обозначить ее наиболее уязвимые стороны, обратимся к словам Л. Витгенштейна, который в свойственной ему афористической манере отмечал: «запутанность и бесплодие психологии не следует объяснять тем, что она “молодая наука”... в психологии сосуществуют экспериментальные методы и путаница понятий... Существование экспериментального метода позволяет полагать, будто мы располагаем средством справиться с беспокоящей нас проблемой; однако проблема и метод лежат здесь в разных плоскостях»¹. Какое бесплодие имел в виду Витгенштейн, если, как мы уже подчеркнули, психология имеет большое значение для многих областей гуманитарного знания: политика заинтересована в психологии электората, экономика в психологии потребителя, корпоративная сфера в психологии управления, СМИ и массовая культура в психологии восприятия и т.д. Этот совокупный интерес носит устойчивый продолжительный характер, а значит, какие-то плоды психология определенно приносит. Может показаться неуместным обращаться к оценкам философа, возраст которым почти сто лет. Однако складывается впечатление, что, если бы Витгенштейн ознакомился с современным состоянием психологии, он, во-первых, узнав о характере ее полезности гуманитарным дисциплинам, вряд ли сменил бы квалификацию ее бесплодия на какую-то более позитивную, а во-вторых, он вряд ли удивился бы тому положению психологии, с которым он столкнулся бы на сегодняшний день. Уже давно обозначились те колебания психологии, которые лишают ее внутреннего единства и телеологии и по сей день; амплитуда этих колебаний совершается между, с одной стороны, модусом ее существования по образцу естествознания, что обеспечивает универсальность научных исследований и, с другой – «“федерацией” различных подходов и методов, ибо не существует уникального поля ментальных феноменов как единственного объекта исследования»². Подобная амплификация

привела к тому, что плоды психологии лишены целокупности, фрагментированы либо по линии предмета – экспериментальные исследования, спекулятивные теории и подходы, либо по линии метода – собственно все разнообразие техник, которыми располагает эта область знания. Таким образом, гомогенность, телеологическая целостность «плодов» психологии в данный момент недостижима в силу гетерогенности ее предмета и метода, что, возможно, и имел в виду Витгенштейн, говоря о ее бесплодии.

³ Итак, гетерогенность предмета и метода психологии выступила в качестве обструктивного фактора для построения ее как последовательной, универсально обоснованной и, в должной мере, непротиворечивой системы знания. Наглядной иллюстрацией этой гетерогенности может служить вполне себе легитимное сосуществование в рамках психологии психоаналитической теории и практики, когнитивно-поведенческой терапии, черпающей свои теоретические основания в бихевиоризме, а также экзистенциального и гуманистического направлений психологии, во многом инспирированных феноменологическими идеями. Существует мнение, что «практическая психология никогда не представляла собой единого движения – напротив, существовало множество различных направлений, подходов, техник, приводящих к определенным результатам. Для практико-ориентированной психологии не предполагается единства (даже в самых смелых мечтах), поэтому идеи кризиса в ее пространстве быть не может»³. Но в том-то и дело, что разнообразие техник и методик само по себе не представляет какого-либо вреда для науки и ее практического воплощения, но только в том случае, когда эта наука располагает унифицированными инструментами обоснования знания, обусловленными ясной и четкой предметно-методологической конституцией.

⁴ Здесь возникает два вопроса. Первый: каким образом указанная гетерогенность может быть преодолена? Этот вопрос представляется достаточно сложным уже потому, что еще ни для одной науки не выведен алгоритм самокоррекции. Показательны в этом отношении следующие слова М. Хайдеггера: «*Науки* (здесь и далее курсив Хайдеггера) никогда не могут пройти через решения, да вовсе и не нуждаются в этом; решения всегда принимаются *о* них»⁴. При всей дискуссионности этого высказывания можно признать, что науки чаще всего действительно не могут принять относительно себя принципиальных решений, каким-то образом влияющих на их целостное устройство и статус. Как правило, мы наблюдаем лишь внутреннее органичное развитие (не исключаяющее, как и в природе, элементов патологии), и это развитие, представляющее собой становление ряда обособленных отраслей, методов и техник, действительно не нуждается для своего становления в каких-то решениях о системе в целом.

⁵ Второй вопрос, подпитываемый предположением Хайдеггера о том, что науки особо и не нуждаются в решениях о себе, звучит следующим образом: а испытывает ли вообще психология потребность эту гетерогенность предмета и метода как-то исправлять и корректировать? Иногда складывается впечатление, что сохранение *status quo* в этом отношении, а порой и элиминирование этой проблемы является следствием издержек процессов более высокого порядка, а именно тех, что охватываются проблематикой западного типа рациональности, а если точнее, такой современной проблемы научной рациональности, как все

возрастающее господство техники. Мы хотим сказать, что это «беспредельное стремление техники повелевать и владеть вещами»⁵, возможно, затронуло и психологию в том смысле, что теоретическая проблема гетерогенности ее предметно-методологического устройства теряется на фоне острого практического интереса в технической стороне психологии – психотерапии, а именно интереса «повелевать» такой вещью, как сознание. Р. Мэй пишет: «Мы на Западе являемся наследниками технических достижений, рожденных четырехвековой борьбой за власть над природой, а теперь и над самими собой; в этом наше величие и в то же время – это самая большая опасность», – и далее: «Я усматриваю серьезную опасность дегуманизации в тенденции современной науки низвести индивида до подобия машины, ограничить представление о человеке комплексом методик, с помощью которых его изучают»⁶. В целом тематизация проблемы техники в отношении психологии представляется очень важным и крайне сложным предприятием, не терпящим каких-то консервативных или догматичных оценок. Только в порядке критического осмысления можно с достаточной степенью адекватности оценить роль техники в психологии. Хайдеггер, поставивший вопрос о технике на самом общем мировоззренческом уровне, высказал предположение, что «существо техники таит в себе – чего мы всего меньше ожидали – возможные ростки спасительного. Все тем самым зависит от нашей способности распознать эти ростки и признательно сберечь их. Как это сделать? Прежде всего другого – усилием разглядеть существо техники, вместо того чтобы просто оцепенело глазеть на техническое. Пока мы будем представлять себе технику как инструмент и орудие, мы застрянем на желании овладеть ею. Нас пронесет мимо существа техники»⁷. Пока же дифференциация труда психолога-теоретика и психолога-практика может быть проиллюстрирована следующим высказыванием: «... психолог-практик ждет от теории не объяснения каких-то внешних для практики сущностей, а руководства к действию и средств научного понимания своих действий»⁸. Таким образом, психолог-практик ждет от психолога-теоретика разработки техники и техники по освоению этой техники. На самом деле, ответ на вопрос, нуждается ли психология в корректировке и радикальном осмыслении своей предметно-методологической гетерогенности, где-то здесь и располагается, в этой дистрибуции: психолог-теоретик, исходя из теоретических соображений о сознании вообще как предмете психологии, создает универсальный теоретический конструкт, который психолог-практик должен воспринять как метод, адаптируемый до техники применения в отдельных терапевтических случаях. Отсутствие пределов этой адаптации, а также научно обоснованных механизмов обратной связи в работе психолога-практика с той или иной техникой, в целом безотчетное увлечение технологической стороной вопроса при резком падении интереса к теории расшатывают здание современной психологии, возведенное по образцу естествознания и позитивных наук.

⁶ Какими бы умозрительными и отвлеченными ни были наши предположения о причинах тех, пока еще глубинных, тектонических изменений, которые имеют место на сегодняшний день в психологии, за ними определенно можно признать хотя бы одно – эти предположения вызваны вполне объективными процессами. Например, появлением двух моделей психотерапии⁹, вызвавших раскол института психотерапии на два принципиально несопоставимых лагеря. Да, этот раскол произошел в области практической психологии, однако

симптоматично, что триггером послужило отношение практики именно к теоретическим требованиям¹⁰. Можно приводить и другие примеры, однако в итоге станет очевидным, что рассогласованность, аморфность и ускользание четкой и взаимосогласованной диспозиции предмета и метода, теории и практики – суть индикаторы серьезного внутреннего разлада психологии. Не совсем понятно, к чему этот разлад приведет, возможно, к возникновению нескольких новых дисциплин или к тотальной перестройке всей психологии как формации знания, со всей определенностью можно сказать только одно – необходимы новые эквиваленты предметно-методологического устройства для универсальных исследований такого порядка, который преодолевал бы ограничения, обусловленные нынешней естественнонаучной парадигмой психологии. В этом отношении хочется обратить внимание на принципы и подходы к сущности психологии, высказанные основателем феноменологии Э. Гуссерлем.

7 **Феноменологический подход**

8 Начать следует с того, что интерес к феноменологическим идеям у психологии наблюдается уже достаточно продолжительное время. Более того, как выше уже упоминалось, определенные положения этого философского учения легли в основу целого направления, а именно экзистенциальной и гуманистической психологии. Примечательным является тот факт, что по аналогии с положением феноменологии в философии, где признается, что как таковой феноменологической школы нет, а есть феноменологическое движение, в современной психологии принято говорить именно о феноменологическом подходе. О комплексной и всесторонней реализации феноменологических принципов, что могло бы вылиться в полноценную феноменологическую психологию, речь не идет. Во многом это объясняется спецификой феноменологических принципов, их ригоризмом и, прямо говоря, сложностью воплощения в рамках существующей традиции. Подробнее об этом мы скажем в следующем разделе, а пока дадим краткую характеристику особенностей феноменологического подхода¹¹ в том виде, в котором он реализуется в настоящее время.

9 Во-первых, обращает на себя внимание выраженная контаминированность феноменологических идей экзистенциальной философией (это, собственно, и объясняет название экзистенциальной психологии). По свидетельству Дж. Кокельманса, «...лишь очень немногие психологи действительно используют концепции Гуссерля без серьезных изменений. Более того, многие психологи говорят о феноменологии, не уточняя, что именно подразумевается под этим термином. Сложности еще более усугубляются частой неспособностью провести четкое различие между мыслью Гуссерля и мыслями других феноменологов (Шелера, Хайдеггера, Ясперса, Мерло-Понти, Сартра, Бинсвангера)»¹². Подчеркнем, что речь идет о тех философах, которые на том или ином этапе отходили от следования феноменологическим идеям, находя их противоречащими в том или ином отношении своим философским взглядам. Кроме того, Кокельманс отмечает, что ситуация осложняется очень важным фактором: «...до определенного времени идеи Гуссерля были доступны лишь немногим – тем, кто работал с его рукописями. Знания о его идеях, переданные этими вторичными источниками, показали значительное расхождение по многим пунктам. Все это

создает трудности, когда кто-то пытается определить, что именно понимать под феноменологической психологией»¹³.

¹⁰ В качестве примера обозначенной контаминации можно привести суждения основоположника экзистенциального анализа А. Лэнгле: «Феноменология – это единственный метод, с помощью которого можно увидеть суть другого человека. Я скажу проще: то, что я действительно есть – моя сущность – может быть увидена другим человеком, только если он в этот момент является феноменологом. Мы все становимся феноменологами, когда нас затрагивает “Ты” другого человека, когда у нас появляется чувство, что что-то в тебе касается меня. Это – целостное переживание, а не просто рациональное знание. Это не может быть дано путем рационально-логичеких рассуждений. Речь идет о целостном восприятии, которое трудно точно описать: я чувствую, что что-то затрагивает меня. Например, такое происходит, когда люди чувствуют, что они хорошо поговорили друг с другом»¹⁴. Если в этом пассаже слово «феноменолог» заменить словосочетанием «экзистенциальный психотерапевт», то никаких возражений он вызывать не будет: эмпатия, раскрытие самости – суть столпы экзистенциальной психологии и психотерапии. Однако, согласно взглядам Гуссерля, «в своей профессиональной жизни, в часы, отводимые этой профессии, психолог заранее, раз и навсегда, воздерживается от какой бы то ни было собственной заинтересованности в интересах тематизируемых им личностей. Как только он нарушает это требование, он сразу же выпадает из своей темы. Интенциональности, в которых личности (чисто душевно) суть то, что они суть в себе и для себя самих, и свойственное им имманентное “соотнесение-себя” и соотнесенность сразу же превращаются в реальные соотнесенности между этими личностями и какими-либо внешними по отношению к ним предметами мира, в чьи реальные соотнесенности они вплетены»¹⁵.

¹¹ Второй характерной особенностью использования феноменологического подхода является то, что можно назвать избирательной апроприацией. Под этим предполагается восприятие каких-то феноменологических идей (с приданием им порой очень вольной интерпретации) с тем, чтобы в качестве альтернативы восполнить ими те или иные недостатки или явные минусы других подходов: например, интенциональность расценивается как способ преодоления избыточной рационализации состояния пациента, беспредпосылочность, эпохэ как средство от формализма и подхода к пациентам как набору теоретических конструкций и концепций. В качестве примера снова обратимся к Лэнгле: «Если в работе психотерапевта речь идет о таких личностных (Person) темах, как любовь, доверие, ценности, Бытие самим собой, воля и т.д., то тем средством, которое следует выбрать для их проработки, является феноменология»¹⁶. Другими словами, те альтернативы, которые психологи и психотерапевты видят в феноменологии, являются только и исключительно альтернативами. Об этом практически в обязательном порядке говорят все, кто в той или иной мере в теоретических или практических соображениях заимствует феноменологические методы и подходы. Эти авторы утверждают, что феноменологический подход – это не панацея, а некоторое вспомогательное средство, позволяющее избегать определенных недостатков других психолого-психотерапевтических подходов. И речь даже не о том, что феноменологический подход не заменяет и не соперничает с

экспериментальной психологией, о невозможности и ненужности подобного говорил и Гуссерль. Речь идет о том, что этот подход воспринимается просто как очередная техника, которая работает там, где не работают другие. И, напротив, этот подход неуместен там, где показывают прекрасные результаты другие техники.

¹² В этой связи можно сказать следующее. Нам представляется важной самостоятельной исследовательской задачей установление подлинного качественное состояния феноменологических идей в гуманистической и экзистенциальной психологии. Поскольку действительно «было бы ошибкой рассматривать быстро увеличивающуюся частоту, с которой мы встречаем выражения “феномен” и “феноменология”, “интенциональность” и “действие” (“akt”), “жизненный мир” и “заключение в скобки”, “интуиция” в психологических исследованиях как недвусмысленный признак прямого и решающего влияния Гуссерля на психологическое мышление и методологические принципы»¹⁷. Особенностью всех перечисленных выражений и стоящих за ними мыслительных операций является то, что подлинные свои функции они могут реализовать исключительно на феноменологической почве.

¹³ **Феноменологическая психология *prima facie***

¹⁴ Поскольку в статье проблематика соотношения психологии и феноменологии дается в предельно широком масштабе, определяемом метапозиционными намерениями, то своей задачей мы видим скорее экспозицию кардинальных установлений феноменологии, чем подробную реконструкцию этого учения, которую в избытке можно найти в исследовательской литературе. Сама по себе эта задача сформировалась на фоне анализа феноменологического подхода в психологии, который показал, что основная трудность, с которой столкнулась психология, – это отсутствие полноценного диалога с представителями феноменологии, который требовался по определению. Ведь экзистенциальная и гуманистическая школы психологии, формировавшиеся вокруг рецепции феноменологических идей, – это те немногочисленные направления, которые черпали свои истоки не из позитивной науки, а именно из философии. Тем более философии того порядка, который характеризуется предельной сложностью языка и концептуализации. Таким образом, формирование кардинальных установлений, в особенности тех, которые вызывают наибольшее недоумение своими требованиями, может способствовать началу такого диалога и конструктивной критике в плане реализации этих установлений. В данной работе мы ограничимся двумя.

¹⁵ 1. Первое установление связано с тем, что феноменологическая психология сама по себе играет принципиальную роль как для эмпирической психологии (под которой Гуссерль понимал науку о реальных психологических событиях, происходящих в конкретной области пространственно-временного мира, т.е. тот корпус теоретической и практической психологии, имеющей место и на сегодняшний день), так и для трансцендентальной феноменологии. Для эмпирической психологии она будет составлять искомый фундамент – область исследования чистого интенционального сознания как предмета, постигаемого рядом феноменологических процедур. Подробный анализ феноменологической

психологии Гуссерль предоставил в своей работе «Феноменологическая психология»¹⁸. В этом исследовании феноменологическая психология описывается как «априорная, эйдетическая, интуитивная, чисто описательная и интенциональная наука о психическом, которая полностью остается в сфере естественной установки»¹⁹. Представляется важным отметить, что феноменологический психолог может оставаться в естественной установке. В свете вышеуказанного отсутствия диалога между феноменологами и психологами и, как следствие, несколько сбивчивых сведений у психологов о феноменологических принципах бытует мнение о необходимости именно феноменологической установки, достигнуть которую можно посредством трансцендентальной редукции. Подобное расширение компетенций естественным образом служит пугающим фактором для психолога. Поэтому подчеркнем еще раз – работа в рамках феноменологической психологии предполагает пребывание в естественной установке. Значимость феноменологической психологии Гуссерль обосновывает указанием на тот факт, что «в традиционной эмпирической психологии все еще отсутствует систематическая структура основных понятий, основанная на интуитивном разъяснении психических сущностей. Все, что открыла и продолжает открывать психология путем измерения и эксперимента в отношении объективных корреляций, тратится зря до тех пор, пока нет четкого понимания того, что именно измеряется и соотносится»²⁰.

¹⁶ Что касается трансцендентальной феноменологии, то здесь феноменологическая психология служит своего рода проводником к ней. То есть без феноменологической философии невозможно построение трансцендентальной феноменологии как Первой философии, предназначенной для фундаментального исследования самой философии и формирования ее как универсальной науки. Историко-философская ирония заключается в том, что психология и философия уже не в первый раз оказались неспособными найти общий язык и в результате, по мнению Гуссерля, пострадали обе. Речь идет об открытии Кантом области трансцендентального (коперниканский переворот), после которого он, однако, не пошел дальше, т.е. не смог достичь «действительного начала, [не зависящего] ни от науки, ни от донаучной традиции»²¹. В результате произошел раскол на: 1) объективистскую психологию (традиция, идущая от Локка), не принимающую трансцендентальную философию вследствие ее непонятности²², а в качестве фундамента адаптировавшую для себя модель естествознания своего времени, и 2) трансцендентальную философию, которая тоже пошла по противоречивому пути – отказалась от работы с современной ей психологией, в силу ее эмпирического характера, но и не разработала своей психологии, что повлекло неизбежные результаты: замкнутость, непонятность своего предназначения²³, апогеем чему послужили невероятные системы спекулятивных философий XVIII–XIX столетий.

¹⁷ Здесь мы говорим об этом, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость совместной работы психологии и феноменологии. Уже второй раз повторяется сценарий негативных последствий игнорирования этой необходимости: психология лишена адекватного фундамента, а феноменология, как в свое время трансцендентальная философия, изолирована и неясна в своем предназначении. В этом отношении феноменологическая психология – это та область, которая

поможет полноценному развитию как психологии (в частности, эмпирической), так и философии.

¹⁸ 2. Второе установление будет касаться критикуемой Гуссерлем модели естествознания, в рамках которой функционирует эмпирическая психология. Суть этой модели заключается в том, что психология, имитируя естественные науки, разделяет свое знание на два уровня: эмпирический, на котором проводятся конкретные исследования, собираются опытные данные, и теоретический, где эти данные подвергаются процедуре идеализации, превращаясь в идеальные объекты науки. Но, по мнению Гуссерля, идеализировать психическое по образцу геометрии – это заблуждение, вытекающее из картезианского дуализма, который требует «установления параллели между телом и душой и проведения имплицитированной при этом натурализации психического бытия»²⁴. Это произошло в связи с тем, что «тот способ, которым перенималась уже готовая геометрия древних, был причиной того, что полностью определяющая ее смысл идеализация была почти забыта, что никто не потребовал, никто не дерзнул выполнить ее в стороне психического, как свершение, действительно осуществляемое изначально и соразмерно психическому образом»²⁵. Но если бы кто-то «дерзнул» осуществить идеализацию психического, исходя из самой конститутивной природы сознания, «неприменно выяснилось бы, что ей и самом деле нечего делать в этой стороне [идеализации по образцу геометрии], поскольку здесь не могло быть и речи ни о каких сменах перспектив и кинестезах, ни о каком измерении или о чем-то подобном ему»²⁶. Гуссерль прекрасно понимал, что «доводы против дуализма... имеют слишком философскую, слишком принципиальную направленность, чтобы они вообще могли произвести убедительное впечатление на психолога и ученого наших дней, и даже на “философа”. От принципиальных споров устают... и тогда уже с самого начала слушают лишь вполуха, больше доверяя силе уже осуществленных в великих опытных науках несомненных свершений»²⁷.

¹⁹ Каковы действия психолога, который выслушал Гуссерля не «вполуха», нашел его аргументацию убедительной и готов к сотрудничеству? Здесь важно понимать, что речь пока не идет о каких-то специфических процедурах вроде редукции. Предполагаемый отказ от идеализации по типу геометрии – это довольно сложная и принципиальная процедура, связанная с деструкцией того, что называется привычкой. Причем привычкой, которую специалист или ученый приобретает в течение достаточно продолжительного периода академического обучения, – работать с так называемыми идеальными объектами науки. И на смену этой привычке должна прийти другая, или, как говорит Гуссерль, «для психологии требуется своя хабитуальная “абстрактивная” установка». Остается заметить, что основатель феноменологии не предлагал готовых алгоритмов и признавал, что движение к таким новым хабитуальным установкам будет осуществляться методом проб и ошибок²⁸.

²⁰ **Заключение**

²¹ Сложность обретения своей роли для феноменологии (особенно ее трансцендентального измерения) и формирования психологией нового фундамента обусловлена мнимой разницей в целях. Осознание общей телеологической направленности целей и задач феноменологии и психологии

представляется делом принципиальной важности и больших усилий с обеих сторон. Реализация совместных исследований даст положительные результаты как для феноменологии в виде осознания ее обширного эвристического и методологического потенциала для науки в целом, так и для психологии в виде формирования ее как региональной онтологии, располагающей ресурсами для всестороннего обоснования имеющихся и будущих знаний, для выработки критериев оценки как эмпирических, так и неэмпирических результатов исследований, для обретения гомогенности предмета и метода, для устранения пропасти между психологом-«теоретиком» и психологом-«практиком».

Примечания:

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы. Часть I / Пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. С. 319.
2. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. С. 219.
3. Мазилев В.А. Психология в XXI столетии: проблема предмета науки // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 110.
4. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. С. 149.
5. Никулин Д.В. Метафизика и этика. Сравнительно-критический анализ основоположений теоретической и практической философии античности и Нового времени. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. С. 96.
6. Мэй Р. Возникновение экзистенциальной психологии // Теория и практика экзистенциальной психологии / Пер. с англ. под ред. С. Римского. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2017. С. 6–7.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 236.
8. Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 20.
9. См.: Холмогорова А.Б. Две конфликтующие методологии в исследованиях психотерапии и ее эффективности: поиск третьего пути. Часть I // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 4. С. 5–25; Холмогорова А.Б. Две конфликтующие методологии в исследованиях психотерапии и ее эффективности: поиск третьего пути. Часть II // Там же. С. 14–37.
10. Как пишет Д. Соуза в своей книге «Экзистенциальная психотерапия: генетически-феноменологический подход»: «История психотерапии отмечена бесчисленными противоречиями, вызванными политическими, экономическими и социальными проблемами, которые связаны с более специфическими по своей природе вопросами научного, академического и профессионального характера» (Sousa D. Existential Psychotherapy: A Genetic-Phenomenological Approach. New York: Palgrave Macmillan, 2017. P. 6). Невозможность привести хоть к какому-то согласию все эти факторы, привело институт психотерапии к расколу, который сопровождался обособлением конфликтующих сторон в две модели: медицинскую и контекстуальную. Первая базируется на эмпирически подтвержденных исследованиях, вторая предусматривает снятие ограничений для клинических решений, т.е. контекстуальная модель психотерапии допускает возможность базироваться на допущениях, которые не были научно обоснованы, эмпирически подтверждены (Ibid. P. 7–16).
11. Мы не ставим себе задачей обзор всех так или иначе имеющих отношение к феноменологическому подходу направлений, к настоящему моменту очень разнообразных и многочисленных. Эта масштабная работа уже была проделана отечественным исследователем А.М. Улановским (см.: Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012. 264 с.; Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 27–51).
12. Kockelmans J.J. Husserl's Original View on Phenomenological Psychology // Phenomenologica 103. Phenomenological Psychology / Ed. by Kockelmans J.J. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1987. P. 3.
13. Ibid.
14. Лэнгле А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 112–113.

15. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Кузница. СПб.: Наука, 2013. С. 388.
  16. Лэнгле А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. №2. С.114.
  17. Buytendijk F.J.J. Husserl's Phenomenology and Its Significance for Contemporary Psychology // *Phenomenologica* 103. *Phenomenological Psychology* / Ed. by Kockelmans J.J. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1987. P. 31.
  18. Husserl E. *Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester 1925* Dordrecht: Springer-Science+Business Media, B.V., 1968. 651 S.
  19. Kockelmans J. J. Husserl's Original View on Phenomenological Psychology // *Phaenomenologica* 103. *Phenomenological Psychology* / ed. by Kockelmans J. J. Dordrecht, Boston,; Kluwer Academic Publishers 1987. P. 6.
  20. Ibid.
  21. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Кузница. СПб.: Наука, 2013. С. 327.
  22. Там же. С. 328–330.
  23. Там же. С. 330–332.
  24. Там же. С. 362.
  25. Там же.
  26. Там же.
  27. Там же. С. 367.
  28. Там же. С. 392.
-

Библиография:

1. Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15-32
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы. Часть I / пер. с нем. М.: «Гнозис», 1994. С. 75—319.
3. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 375 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Кузница. СПб.: Наука, 2013. 494 с.
5. Лэнгле А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. №2. С.110-129.
6. Мазилев В.А. Психология в XXI столетии: проблема предмета науки // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 108—123
7. Мэй Р. Возникновение экзистенциальной психологии // Теория и практика экзистенциальной психологии /пер. с англ. под ред. С. Римского. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2017. С. 5-47.
8. Никулин Д.В. Метафизика и этика. Сравнительно-критический анализ основоположений теоретической и практической философии античности и Нового

времени. М.: «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина», 2005. 235 С.

9. Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. — М.: Смысл, 2012. — 264 с.

10. Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Московский психотерапевтический журнал. 2009. №2. С. 27-51.

11. Хайдеггер М. Размышления VII-XI (Черные тетради 1938-1939) [Текст] / пер. с нем. А.Б. Григорьева; науч. ред. Перевода М. Маяцкий. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. — 528 с

12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. — М.: Республика, 1993. С. 221-238

13. Холмогорова А.Б. Две конфликтующие методологии в исследованиях психотерапии и ее эффективности: поиск третьего пути. Часть I // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 4. С. 5-25

14. Холмогорова А.Б. Две конфликтующие методологии в исследованиях психотерапии и ее эффективности: поиск третьего пути. Часть II // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 4. С. 14-37

15. Buytendijk F. J. J. Husserl's Phenomenology and Its Significance for Contemporary Psychology // *Phaenomenologica* 103. Phenomenological Psychology / ed. by Kockelmans J. J. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers 1987. P. 31–44.

16. Husserl E. *Phanomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester 1925* Dordrecht: Springer-Science+Business Media, B.V., 1968. 651 S

17. Kockelmans J. J. Husserl's Original View on Phenomenological Psychology // *Phaenomenologica* 103. Phenomenological Psychology / ed. by Kockelmans J. J. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers 1987. P. 3–29.

18. Sousa D. *Existential Psychotherapy: A Genetic-Phenomenological Approach*. New York: Palgrave Macmillan, 2017

Correlation of Phenomenology and Psychology: to the Problem Statement

Svetlana Berdaus

e Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

8 Nikolaeva St, Novosibirsk 630090, Russian Federation

Abstract

The article raises the question of the current state of psychology as a science. It is suggested that the heterogeneity of the subject and method of psychology caused its inorganic structure, which in turn created the ground for a permanent crisis state of this science, both in theoretical and practice-oriented terms. The paradigm of phenomenological philosophy is considered as an alternative coordinate in reforming this science. It is explained why the phenomenological approach implemented in existential and humanistic psychology cannot be qualified as adequate to the ideas of Edmund Husserl. The main obstructive factors are formulated that cause the greatest resistance to the full-fledged reception by psychology of the phenomenological grounds for its formation.

Keywords: psychology, science, phenomenology, existential, humanistic, reception

Date of publication: 30.06.2022

Citation link:

Berdaus S. Correlation of Phenomenology and Psychology: to the Problem Statement // Polylogos. – 2022. – V. 6. – № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020508-0-1/>. DOI: 10.18254/S258770110020508-0